

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОДВЕСКИ-БУЛЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ

Аннотация: Среди украшений византийского круга, бытовавших в Юго-Западном Крыму у гото-аланского населения в эпоху раннего средневековья, выделяются небольшие подвески линзовидной формы, сделанные из золота или бронзы. Они являются одной из поздних разновидностей римских булл – полых медальонов, хорошо известных по многочисленным археологическим находкам и иконографическим материалам, а также по упоминаниям в сочинениях древних авторов. Ближайшие аналогии крымским подвескам-буллам найдены на территории Северной Италии, Болгарии и Малой Азии, на готских и византийских памятниках. В могильнике у с. Лучистое подвески выявлены *in situ* в женских и детских погребениях второй четверти VI – первой половины VII в. Подвески-буллы носили в ожерельях по одной, по две, либо набором из шести или девяти экземпляров. Жительницы Юго-Западного Крыма использовали линзовидные подвески-буллы не только в качестве украшения, но и для защиты от дурного глаза и различных болезней.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, крымские готы, женский костюм, украшения, подвески-буллы, ожерелья.

Судя по находкам из раннесредневековых погребений могильника у с. Лучистое, у представительниц гото-аланской общины, жившей у подножья горы Демерджи, пользовались популярностью небольшие подвески-буллы линзовидной формы, выполненные из золота или бронзы (рис. 1; 2). Предлагаемая статья посвящена этому виду украшений. Наряду с типологией и хронологией подвесок-булл, рассматриваются особенности изготовления, исследуются происхождение, роль и место в костюме.

Типология и хронология подвесок

Подвески состоят из двух спаянных выпуклых половинок и прикрепленной сверху пластинчатой петельки для подвешивания (рис. 1,7; 2,5,12). По материалу и способу изготовления они представлены двумя вариантами.

К **варианту 1** отнесены подвески с припаянной сверху петелькой из рифленой узкой пластины, выполненные из золота 750° пробы (табл. 1; рис. 1,1–6). Внутри они

заполнены светло-желтой пастой (рис. 1,7). Вес подвесок от 0,67 до 0,9 г; диаметр 1,2 см; высота вместе с петелькой для подвешивания – 1,6 см. В центре подвесок напаяно цилиндрическое гнездо диаметром 0,4 см. На одной подвеске в гнезде сохранилась полусферическая вставка из красного камня (рис. 1,1,1a). Вставки остальных подвесок утрачены в древности, а стенки гнезд погнуты (рис. 1,3,6) или спилены до основания (рис. 1,2,4,5). Гнездом с каменной вставкой прикрывалось технологическое отверстие (рис. 1,7), через которое полая подвеска заполнялась светло-желтой пастой, придававшей прочность всему изделию, спаянному из двух выпуклых тонких пластинчатых деталей. При небольшом количестве затраченного золота – на изготовление каждой подвески было использовано от 0,49 до 0,63 г металла, получалось довольно массивное на вид украшение. В такой же технике выполнены золотые серьги с многогранником, бытовавшие в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в. (рис. 3,4,10) [28, с. 195]. Полый многогранник из тонкого листа металла укреплялся на проволочном кольце и заполнялся расплавленной серой через отверстие, поверх которого, после затвердевания заполнения, напаявалось гнездо с каменной или стеклянной вставкой. Многогранник с затвердевшей серой становился более прочным, вес изделия при этом сильно не увеличивался. Этот способ изготовления полых золотых украшений известен с эпохи эллинизма; расплавленной серой заполняли полые золотые украшения римские ювелиры, а позже – и византийские [55, р. 40; 51, р. 152].

Золотые линзовидные подвески-буллы варианта 1 найдены в Лучистом в склепе 122а, в погребении 22 вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком с выгисненным изображением льва 6-го варианта (рис. 3,2) второй половины VI – первой половины VII в. [2, рис. 16] и парой двухпластинчатых фибул (рис. 3,3), близких по форме наплечным застежкам варианта 1б из могильника Дюрсо первой и второй трети VI в. [10, с. 75, 101]. Судя по стратиграфии костных останков в склепе 122а, погребение 22 совершено после того, как в нем похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. и до захоронения женщины с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII в. Скорее всего, женщина с линзовидными подвесками была похоронена в склепе в последней трети VI в.

Аналогичные золотые подвески известны на византийских памятниках и среди древностей остготов. Они найдены в Северной Италии – в составе клада середины VI в. из Реджо Эмилии, принадлежавшего семье остготского вельможи (рис. 1,8) [35, р. 204, fig. III.87, Cat. Nr. III.28.n-o; 34, fig. 4], в Северо-Восточной Болгарии – в одном из погребений готской женщины второй половины V – VI в. из базилики в с. Хан Крум (рис. 1,10) [6, с. 72, обр. 21,2] и на юго-западе Малой Азии – в Сардах, в слоях византийского времени (рис. 4,17,18) [63, р. 134–135, Cat. Nr. 884, 885, Pl. 50.884,885]. В коллекции Художественного музея Кливленда (Cleveland Museum of Art) хранится византийская золотая цепь VI–VII вв., происходящая якобы из Константинополя, к которой подвешены крест, пара цилиндрических филиктериев и булла, украшенная гранатом, вставленным в цилиндрическое гнездо (рис. 1,9,9a) [48, р. 72–73].

В Болгарии, в ранневизантийской крепости у с. Малык Преславец, в доме, погибшем в пожаре в конце VI в., обнаружен клад золотых украшений, среди которых – полая подвеска-булла с гравированным орнаментом (рис. 4,14) и пара серег [19, рис. 121; 54, р. 99]. К одной из названных серег прикреплена линзовидная подвеска, украшенная сканью и красным камнем в напаянном по центру гнезде (рис. 4,12), по форме и декору повторяющая подвески-буллы. В качестве аналогий также отметим золотую лангобардскую подвеску-буллу VII в., хранящуюся в Метрополитен-музее (рис. 4,11) [36, р. 207, 344, fig. 18.9]. Она почти в два раза больше подобных украшений и с двух сторон украшена сканью и зернью.

Золотые подвески-буллы, скорее всего, являются византийской продукцией. Появление этих предметов у остготов в Северной Италии и в Подунавье, равно как и у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма, следует рассматривать как влияние византийской моды. Не исключено, что в Юго-Западном Крыму аналогичные изделия изготавливали местные ювелиры по привозным образцам. Известно, что в раннесредневековое время в регионе производили различные аксессуары одежды и украшения. Судя по ним, местные ювелиры в совершенстве владели технологией отливки крупных серебряных и бронзовых предметов, делали проволоку и тонкую золотую фольгу, применяли пайку, чеканку, тиснение, украшали изделия красным камнем или цветным стеклом, вставленным в цилиндрические гнезда [32, р. 165–167]. Бесспорно, для мастеров, владеющих такими навыками, изготовить золотые подвески-буллы не составляло большого труда. В местных мастерских из тех же материалов (золотая пластина), в той же технике (тиснение, пайка, заполнение полых золотых изделий серой) и с таким же декором из красного камня, вставленного в цилиндрические гнезда, делали серьги с полым многогранником [4, с. 259–260].

Подвески **варианта 2** выполнены из бронзы (рис. 2). Они спаяны из двух выпуклых половинок, штампованных из тонкой бронзовой пластины. Петелька для подвешивания сделана из узкой пластины или проволоки, концы которой укреплены внутри подвески (рис. 2,2,5,11,12). Диаметр подвесок 1,1–1,3 см; высота вместе с петелькой для подвешивания 1,6 см. На лицевой стороне подвески из склепа 131 напаяно цилиндрическое гнездо с полусферической вставкой из желтого прозрачного стекла (рис. 2,12). Подвески очень хрупкие и зачастую в погребениях сохраняются в мелких фрагментах.

Для датировки крымских подвесок варианта 2 показательны сопровождавшие их в погребениях из могильника у с. Лучистое находки и стратиграфия захоронений в склепах (рис. 3). Погребения из склепов 207 и 259 с названными украшениями были совершены в первой половине VI в. или около середины VI в., так как после них там похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в.

В склепах 102 и 186 бронзовые подвески-буллы выявлены вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта второй половины VI – первой половины VII в. (рис. 3,5) и парой больших двупластинчатых фибул с накладками или без них вариантов Пв-1 и Пв-2, бытовавших в этот же период

(рис. 3,6) [2, с. 26, 27, 42, рис. 16; 22,19; 28, с. 216, рис. 10]. Время захоронений в нижнем слое склепа 186 ограничено второй половиной VI – началом VII в., поскольку их перекрывали погребения с инвентарем первой половины VII в. [2, с. 42, рис. 22,19], а захоронение с подвеской-буллой из склепа 102 – концом VI – первой четвертью VII в., так как рядом с ним выявлен костяк с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта, датированной этим периодом [2, рис. 12,II].

В погребении 2 из склепа 42 подвеска-булла лежала вместе с парой двупластинчатых фибул с накладками варианта Пв-1 (рис. 3,9) и орлиноголовой пряжкой (рис. 3,8), относящейся к 2-му варианту поясных застежек этого типа, бытовавших в регионе в конце VI – первой четверти VII в. [2, с. 21–22, рис. 12,II, табл. 174,15; 176–178]; в склепе 43, в погребении 7 – вместе с фрагментом стенки красноглиняной амфоры класса 1 по херсонесской классификации 1995 г., аналогии которой известны в комплексах конца VI – первой четверти VII в. из Херсона [23, с. 16–19, табл. 2,1–3; 3,4–6; 3, с. 10–11, рис. 1,1, табл. 15,13,20].

В склепе 64, вместе с подвеской выявлена подножка рюмки первого типа по Л. А. Голофаст из оливкового стекла конусовидной формы с полым валиком по краю (рис. 3,12). Подобные рюмки были доминирующим типом стеклянных изделий практически во всех центрах византийского мира в VI–VII вв. [8, с. 155–156]. Судя по находкам из могильника Скалистое, в Юго-Западном Крыму рюмки этого типа использовались в VII–VIII вв. [7, с. 194–195, тип II, рис. 14,27; 80,15; 85,3; 88,4; 98,16]. В основном их делали из стекла серо-голубого цвета. Рюмки из оливкового стекла, аналогичные найденной в Лучистом, редки. В Херсоне их фрагменты зафиксированы только в трех комплексах конца VI – начала VII в., первой четверти VII в. и третьей четверти VII в. [8, с. 111, 116, 117–118, 157, рис. 41; 63,15–17; 70,13,15]. В склепе 64, рядом с погребением 1 на полу камеры зачищены захоронения с пряжками с прямоугольным щитком с вытисненным геометрическим орнаментом варианта 1-3 второй половины VI в. и типа «Суцидава» [3, рис. 9,1,2; 4, рис. 116; 117; 170,4]. Учитывая перечисленные находки, интересующее нас погребение 1 из склепа 64 можно отнести к концу VI – первой четверти VII в.

В склепе 131 подвески зачищены в погребении 4 конца VI – первой четверти VII в. вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком варианта 6 с вытисненным изображением льва и привезенными из Балканских провинций Византии фибулами – в форме голубя и прогнутой, с подвязной ножкой (рис. 3,18–21) [2, с. 26, рис. 16,14–16; 1, с. 60–61, рис. 4,15–17; 31, с. 151–152, рис. 1,1,3], а также в захоронении 3 первой половины VII в. – вместе с двумя фибулами: серебряной пальчатой с концентрическими ромбами на ножке варианта 2-1 первой половины VII в. [2, с. 25, рис. 15,22] и византийской железной прогнутой подвязной (рис. 3,28,30).

В склепе 79 подвески-буллы выявлены в погребении конца VI – первой четверти VII в. вместе с пряжкой типа I-7, штампованной из серебряной пластины с трапециевидной рамкой и геральдическим щитком с выемками на боковых сторонах (рис. 3,14) и железной широкопластинчатой, прогнутой подвязной фибулой (рис. 3,13) [3, с. 40–42, рис. 11,12,14].

В склепе 77 подвески найдены: в погребении 6 конца VI – первой четверти VII в. – вместе с пальчатыми фибулами с концентрическими ромбами на ножке варианта 2/1 (рис. 3,16) и цельнолитой пряжкой с В-образным широкопластинчатым выпуклым кольцом типа I-3 с овальной прорезью для ремня и с геральдическим щитком (рис. 3,15); в погребении 2 второй четверти VII в. – вместе с литой двупластинчатой фибулой (рис. 3,26), железной прогнутой, подвязной фибулой (рис. 3,27) и пряжкой, представляющей собой довольно грубую имитацию соответствующих деталей гепидских пряжек VI в. и больших пряжек с прямоугольным щитком или орлиноголовых, бытовавших в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в. (рис. 3,25); в захоронении 3 второй четверти VII в. – вместе с деталями обувных наборов типов 3-2А и 3-2Б (рис. 3,23,24) [3, с. 37–39, рис. 10,10–13,23–26].

Бронзовые подвески-буллы найдены в погребениях второй четверти VI – первой половины VII в. При этом большинство из них происходят из комплексов конца VI – первой четверти VII в. Бронзовые изделия были более дешевым вариантом золотых подвесок-булл. Скорее всего, они изготовлялись по привозным образцам в местных ювелирных мастерских, где в такой же технике производились популярные в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – первой половине VII в. бронзовые серьги с полым многогранником и небольшие полые кресты, декорированные полусферическими стеклянными вставками в цилиндрических гнездах [28, с. 196–197].

Подобные бронзовые подвески-буллы с вытисненным на лицевой стороне изображением личины найдены в кладе VI в. из крепости у с. Белчин в Западной Болгарии (рис. 4,16) [25, с. 153–157]. Подвески-буллы, близкие по форме крымским изделиям, но сделанные из согнутой пополам пластины, обнаружены в одном из англо-саксонских погребений VII в. около Винчестера, на юге Британии [39, р. 86, fig. 7,138].

Происхождение подвесок-булл

Подвески линзовидной формы являются одной из поздних разновидностей римской буллы (*bullae*) – полого медальона, состоящего из двух выпуклых металлических пластинок, соединенных по краям, с широкой пластинчатой петлей для подвешивания (рис. 5). Они хорошо известны по многочисленным археологическим находкам и иконографическим материалам, а также по описаниям в сочинениях древних авторов.

Согласно сообщениям Плиния Старшего (I в.), Плутарха (I–II вв.) и Макробия (V в.), в Древнем Риме булла первоначально считалась знаком отличия сыновей одного из привилегированных сословий эквитов (всадников). Традиция ношения этого украшения появилась после того, как римский царь Тарквиний Приск наградил золотой буллой своего четырнадцатилетнего сына, проявившего мужество, убив врага в рукопашном бою [57, р. 7-8, liv. XXXIII.IV.10; 21, с. 327, № 101; 18, с. 25, кн. I, гл. 6.7-8]. Макробий, ссылаясь «на самых знающих древность» людей, добавляет, что обычай мог быть введен самим Ромулом, якобы надевшим буллу в качестве дара на первого ребенка, родившегося от похищенной сабинянки [18, с. 27, кн. I, гл. 6.16]. Плутарх, отвергая версию Варрона о происхождении слова «булла» от эолийского

«болла» – «совет», считал, что изделие получило свое название из-за сходства формы с пузырем. При этом историк предполагал, что сама булла была знаком луны, поскольку ночное светило «... в первой четверти представляется нам не шаром, а как бы чечевицей или диском» [20, с. 74, гл. XX; 21, с. 328, № 101].

Римляне заимствовали буллу у этрусков. Сохранились многочисленные находки этрусских булл, сделанных из золота или бронзы и богато декорированных. Судя по иконографии и археологическим материалам, у этрусков это было универсальное украшение, характерное не только для женщин, но и для мужчин и детей. Обычно буллу носили на шее, по одной или набором из нескольких экземпляров. Также известны этрусские браслеты, составленные из нескольких булл [59, р. 754–755, Fig. 892–894; 47, р. 60–61]. В святилищах Этрурии найдены votивные терракоты, изображающие запеленатых младенцев с одной или несколькими буллами на шее [47, с. 63; 37, р. 283].

В I – начале V в. буллы получили широкое распространение по всему римскому миру, о чем свидетельствуют их находки на территории Португалии, юго-восточной Франции, Бельгии, Британии, Египта, Малой Азии и Северного Причерноморья. Особой популярностью буллы пользовались в провинциях Подунавья – на территории одной только Паннонии их выявлено более семидесяти (рис. 4,1–6) [43, р. 150; 53]. Судя по находкам из некрополя Херсонеса, в римское время золотые и бронзовые буллы пользовались популярностью у жителей города (рис. 4,7–10) [17, с. 237, рис. 16,2,3; 12, с. 108–109, рис. 74,12–15; 14, с. 99–100, рис. 2; 11, с. 165, табл. 34,3]. Из Херсонеса подвески распространились у варварского населения в округе города, о чем свидетельствуют находки из погребений второй половины III – IV в. в могильнике Совхоз 10 [24, с. 178–180, рис. 35,16] и в столице позднескифского государства Неаполе Скифском [5, с. 125, табл. IV,28].

Буллы продолжили свое существование в эпоху раннего средневековья. Их находки известны в слоях ранневизантийского времени в городах Малой Азии – в Анемурии (рис. 4,15) [58, Fig. 5,41] и в Сардах (рис. 4,17,18) [63, Pl. 50,884,885]. Наряду с традиционной формой булл – из согнутой пополам пластины с вырезанной петлей и с небольшим бортиком по краю (рис. 4,15,17,18), появляются подвески линзовидной формы, спаянные по краям и с узкой петелькой для подвешивания (рис. 1,9; 4,14). Декоративные элементы в форме буллы можно увидеть на византийских серьгах (рис. 4,12). Под влиянием византийской моды в VI в. подвески-буллы распространились у остготов Италии и в Подунавье (рис. 1,8,10), а также у гото-аланского населения в Юго-Западном Крыму; позже, в конце VI – VII в. – у лангобардов и авар (рис. 4,11,19,20) [36, Fig. 18.9; 45, S. 49–51. Taf. 29,1–3] и даже у англо-саксонских племен в Британии [39, р. 86, fig. 7,138]. Одновременно у лангобардов появились и украшения, повторяющие форму римской буллы. К такому роду изделий можно отнести различные вариации небольших пластинчатых умбоновидных золотых подвесок, характерных для лангобардских ожерелий [50, р. 390–391, Cat. Nr. X49c; 56, р. 41, 77, Tav. 32,7c; 82,7g; 197]. В отличие от классических булл, они делались односторонними, с полусферическим выступом на лицевой стороне. Самые поздние, отдаленные вариации римских булл можно увидеть в крупных умбоновидных бронзовых подвесках, характерных для древностей круга антов VII в. [16, табл. 52,15–

17; 67,7–8; 68] и детского костюма первой половины VII в. гото-аланского населения Юго-Западного Крыма [2, рис. 21,18, табл. 144,1–4; 146; 3, рис. 3,25, табл. 69; 74,1,2; 75].

Особенности использования римских булл

У римлян золотую буллу изначально могли носить только сыновья сенаторов и эквитов. Постепенно право ношения буллы распространилось на всех сыновей свободных граждан, а позже – и на детей вольноотпущенников. Дети простых граждан использовали буллы из бронзы или кожи. При достижении совершеннолетия, на семнадцатом году, юноши снимали буллу и посвящали ее домашним богам Ларам или Геркулесу [59, р. 755; 47, р. 66]. На посвященном Ларам алтаре эпохи императора Августа, хранящемся в Капитолийских музеях, среди даров домашним богам изображены две подвешенные на лентах буллы (рис. 5,2) [37, р. 284–285, pl. III, fig. 7].

Сохранились многочисленные скульптурные изображения юных римлян с буллой (рис. 5,1). Они носили буллу на шее, на кожаном шнуре поверх одежды. На протяжении долгого времени булла считалась неотъемлемым атрибутом детства. В первых веках н.э. были распространены бронзовые и терракотовые фигурки Гарпократа – Гора, изображавшегося в виде мальчика с буллой на шее, подвешенной на шнурке [52, р. 12–13; 33, р. 195]. Судя по находкам из некрополей в римской провинции Паннонии, в позднеантичное время буллы стали носить дети независимо от пола, а также молодые девушки и женщины [61, Taf. 9,165/1; 18,1109/2; 42, S. 102; 38, S. 129–130, Abb. 106]. Буллы включались в состав шейных ожерелий вместе с бусами. В Херсонесе буллы найдены укрепленными на шейных гривнах [13, рис. 4,1,2]. Согласно изобразительному материалу, происходящему из Египта, в III–IV вв. в регионе бытовали подвески, подобные римским буллам, которые носили на шее и дети, и женщины, укрепленными на шнурке (рис. 5,4) или на шейной гривне (рис. 5,5–7). Они служили амулетами, оберегавшими от всяких бед и болезней, а также гарантировавшими здоровье носящему [33, р. 194].

Буллы часто носили вместе с амулетами. К одной из золотых булл римского времени прикреплена цепочка с миниатюрной фигуркой Исиды – Фортуны, которая должна была приносить счастье, удачу и отворачивать любое дурное влияние [59, р. 755, Fig. 895]. В некрополе Апта Юлия (современный Апт), на юго-востоке Франции, в погребении годовалого ребенка I в. золотая булла диаметром 1,0 см найдена в наборе с амулетом от дурного глаза [40, р. 217–219, fig. 23; 25].

Защитные свойства булле могли придаваться ее содержимым. В Италии в детском погребении VI в. до н.э. найдена булла, заполненная мелкими белыми камешками, которые, вероятно, производили шум на манер колокольчика, тем самым отгоняя злых духов [37, р. 285]. Согласно Макробию, булла служила украшением для триумфатора. Во время триумфа ее выставляли напоказ, заключив внутрь средства, считавшиеся «весьма действенными против зависти» и от дурного глаза [18, с. 25, кн. I, гл. 6.9].

Буллы использовались и как своеобразный контейнер для медицинских магических амулетов. Внутрь одной из небольших золотых булл первой половины II в., происходящей из Александрии, была помещена тонкая серебряная пластинка раз-

мером 6,4х3,4 см, согнутая несколько раз [44, р. 217–231]. На пластинке процарапано заклинание на греческом языке, вызывающее к защите Соломона от демонов температуры, эпилепсии и бешенства, ангины, а также служащее защитным средством от любого яда, дурного глаза и даже от рецидива болезни [44, р. 221–222]. Марцелл Эмпирик, медик и фармаколог времен императора Феодосия I, практикующий врач, о чем свидетельствует его прозвище «Эмпирик», рекомендовал для предотвращения болезней глаз носить на шее буллу с помещенными внутрь глазами зеленой ящерицы, предварительно аккуратно удаленными у животного медной иглой [37, р. 285].

Внутри булл часто находятся остатки растений (кориандра, цветков львиного зева) или ткани, а иногда – растения, завернутые в ткань [42, S. 93–96; 60, S. 151–171; 53, р. 199–204]. В нескольких происходящих из Паннонии буллах III–V вв. найдены завернутые в кусочки ткани или помещенные в специально сшитый мешочек остатки цветков Львиного зева (*antirrhinum maius*) [42, S. 99, Taf. 36,1]. Львиный зев считался растением, наделенным магическими свойствами, лекарством от дурного глаза и отравлений [42, S. 98]. Из Паннонии происходит и бронзовая булла с сохранившейся внутри бронзовой фигуркой Гарпократа, завернутой в лавровый лист [53, р. 195, 200].

Представления о защитных свойствах буллы, возможно, сохранились и в раннесредневековое время. В византийском ожерелье VI–VII вв. из Художественного музея Кливленда подвеска-булла была укреплена на золотой цепи вместе с трубчатými амулетами, внутри которых зачастую хранились вложения с магическими защитными текстами, и с крестом, обладавшим, по представлению средневекового человека, мощными защитными свойствами (рис. 1,9).

Подвески-буллы в costume готто-аланского населения Юго-Западного Крыма

В шестнадцати погребениях из склепов могильника у с. Лучистое подвески-буллы выявлены *in situ*. Двенадцать из них принадлежали женщинам (склепы 42, 43, 64, 77, 79, 102, 122а, 131, 181, 186, 207), четыре – детям (склепы 77, 107, 259). Более точный возраст установлен только в трех случаях: это были костяки женщин 30–35 лет (склеп 186, захоронение 12), 35–40 лет (склеп 181, захоронение 1) и ребенка 8–9 лет (склеп 259, погребение 4)¹. Пол погребенных детей не установлен. Судя по инвентарю, найденному в детских погребениях (бусы, серьги, фибулы, браслеты), можно говорить о том, что эти захоронения принадлежали девочкам (рис. 7). В пяти женских захоронениях вместе с подвесками-буллами найдены большие пряжки, в основном, с прямоугольным щитком с изображением льва и пара фибул, в большинстве случаев, двупластинчатых. Во второй половине VI – VII в. широкий пояс, застегивавшийся большой пряжкой, был обязательным элементом парадного костюма замужних женщин крымских готтов [4, с. 269–270].

Представительницы готто-аланской общины, оставившей могильник у с. Лучистое, носили подвески-буллы на шее, в коротких, в основном, однорядных ожерельях, длиной 10,0–35,0 см (рис. 2; 6). Такие ожерелья состояли, как правило, из небольших янтар-

¹ Возраст и пол погребенных определен В. Ю. Радочиным, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского [22, с. 198].

ных бочковидных уплощенных бусин, часто чередующихся с бисером из черного глухого стекла. Ожерелья этого типа были характерны для женского костюма крымских готов во второй половине VI – первой половине VII в. [26, с. 107–108]. В петельках для подвешивания некоторых подвесок-булл видны остатки нити, на которую собиралось ожерелье, и прикипевшие бисерины из черного глухого стекла (рис. 2,1,2).

В ожерельях девочек присутствуют парные подвески-буллы (рис. 2,13,15–16; 7,8); в одном случае зафиксирована единичная подвеска (рис. 2,17). В женских погребениях подвески выявлены, в основном, по одной (склепы 42, 43, 64, 77, 131, 186, 207; рис. 2,14; 6,2,4–6; 8,1), в одном случае – парой (склеп 102; рис. 8,2) [28, рис. 8,8,1; 10], в двух захоронениях – наборами по 6 и 9 экземпляров (рис. 6,1,3; 9,6).

В некоторых ожерельях с подвесками-буллами присутствуют кресты (склеп 102) и подвески из органических материалов – из просверленных зубов оленя (склепы 77, 131, 186) и раковин каури (склепы 42, 186) (рис. 2,17; 6,6) [28, рис. 8; 10]. Подвески из зубов оленя часто встречаются в раннесредневековых ожерельях женщин и девочек из Юго-Западного Крыма. Особенно популярными они были в VI–VII вв. Как правило, в ожерелья включали по 1–3 подвески. В отдельных случаях число просверленных оленьих зубов в низке с бусами достигало семи и даже семнадцати. Подвески из зубов оленя, безусловно, служили амулетами. С эпохи античности существовало представление об олене, как борце со змеями. Плиний Старший приводит множество рецептов лекарств из рога, костей и шкуры оленя против укуса змеи, а также сообщает о том, что достаточно иметь при себе один зуб оленя, чтобы обратиться в бегство змею [49, р. 275, XXVIII, 42.2]. В средние века олень, уничтожающий змею, уподобляется Христу, побеждающему зло. Возможно поэтому, в ожерельях христиан часто подвески из зуба оленя помещали рядом с крестом.

Подвески из небольших раковин каури с обрезанной лицевой частью также относятся к амулетам. По этнографическим данным, у среднеазиатских народов каури предохраняли носящего от болезней и дурного глаза. На Кавказе у многих народов раковины каури связывались с лечебной и предохранительной магией: их прикрепляли к больному месту, носили на шее, подвешивали к колыбели ребенка [15, с. 60–61, рис. 33]. В Северном Причерноморье раковины каури, привозившиеся из теплых тропических морей, использовались в ожерельях с эпохи античности. В Юго-Западном Крыму, во второй половине VI – первой половине VII в. женщины и девочки часто включали в свои ожерелья по 1–4 подвески из раковин каури. В склепе 38 из могильника у с. Лучистое, в одном из женских погребений второй половины VII в. найдено ожерелье, в состав которого входило 19 подвесок из раковин каури [2, табл. 132,2а; 185,1].

В женских погребениях из склепов 79, 102 и 122А порядок бус и расположение подвесок-булл в ожерельях зафиксированы *in situ*. В склепе 122А, в погребении 22 последней трети VI в. на шейных позвонках среди бус на равном расстоянии друг от друга лежало шесть золотых подвесок, украшенных красными камнями в цилиндрических гнездах, напаянных на лицевой стороне (рис. 6,3). Пространство между подвесками занимали чередующиеся наибольшие янтарные и сердоликовые бусины и бисер из черного

глухого стекла. Подвески-буллы составляли единый гарнитур с найденными в этом же погребении золотыми серьгами с многогранником, украшенным вставками из красного камня (рис. 3,4). На изготовление шести подвесок было потрачено 3,33 г золота (табл. 1). Для всего набора, состоящего из пары серег и подвесок-булл, ушло около 19 г золота. Богатый гарнитур из золотых украшений с красным камнем носила замужняя женщина, чье платье было подпоясано широким ремнем с большой серебряной пряжкой с изображением льва на прямоугольном щитке, а плечи покрывала накидка, пристегнутая парой серебряных двупластинчатых фибул (рис. 3,2,3).

В склепе 79, в погребении конца VI – первой четверти VII в. на шейных позвонках зачищено 30 янтарных уплощенных бочковидных бусин почти одинакового размера, 3 небольшие сферические сердоликовые бусины и 9 бронзовых подвесок-булл (рис. 6,1; 9,7). Последние располагались в центральной части ожерелья, между янтарными бусинами. В каналах отверстия некоторых бусин и в петельках для подвешивания подвесок сохранились фрагменты крученой нити, на которую были нанизаны все элементы ожерелья (рис. 2,5–9). Также удалось проследить отдельные фрагменты ожерелья с чередующимися подвесками и янтарными бусинами (рис. 2,7–9). Женщина, похороненная в склепе 79, носила ожерелье с подвесками-буллами на шее, поверх платья, которое покрывала накидка, застегнутая на левом плече железной прогнутой подвязной фибулой, украшенной низкой бус из стекла, янтаря и дымчатого горного хрусталя (рис. 9,2,4,6).

В захоронении конца VI – первой четверти VII в. из склепа 102 бусы лежали в два ряда в области шеи и верхней части грудной клетки (рис. 8,7). По центру каждого ряда ожерелья висело по кресту. Две подвески-буллы располагались в верхнем ряду, по обе стороны от креста. Верхний ряд ожерелья состоял из 30 небольших сферических и эллипсоидных уплощенных янтарных бусин и около десятка стеклянных, в основном, сферических из желтого и зеленого стекла. В нижнем ряду находилось несколько янтарных и стеклянных, а также 27 сердоликовых сферических бусин. Одна из сердоликовых бусин инкрустирована белой краской (рис. 8,5). Украшенные подобным образом сердоликовые бусы были распространены в позднеантичное и раннесредневековое время на широкой территории от Восточного Средиземноморья до Юго-Восточной Азии [41, р. 221–278]. Считается, что центры их производства находились в Иране и Индии [9, с. 141–142]. В Юго-Западном Крыму инкрустированные сердоликовые бусины найдены в погребениях VII–VIII вв. из Эски-Кермена, Алмалык-Дере (Мангуп), Скалистого и Лучистого. В Крым, скорее всего, они поступали с Северного Кавказа, куда в большом количестве привозились из Ирана [30, с. 93]. Помимо бус, в области шеи погребенной в склепе 102 обнаружено небольшое кольцо диаметром 1,1 см из скрученной в полтора оборота бронзовой проволоки (рис. 8,6), служившее своеобразной застежкой ожерелья, к которой привязывались концы нитей с бусами. Такие простые застежки часто присутствуют в раннесредневековых ожерельях, найденных в Крыму (рис. 2,17; 6,6) [29, с. 314, рис. 7,7a].

Ожерелья, подобные описанным, не уникальны. Парные золотые подвески-буллы найдены вместе с янтарными бусинами в Северо-Восточной Болгарии – в одном из

погребений готской женщины второй половины V – VI в. из базилики в с. Хан Крум (рис. 1,10) [6, с. 72, обр. 21,2]. Судя по находкам из Реджо Эмилии в Северной Италии, остготские женщины носили в середине VI в. в ожерельях крест вместе с парой подвесок-булл (рис. 1,8). В лангобардских погребениях конца VI в. из Италии обнаружены ожерелья из стеклянных бусин и небольших золотых умбоновидных подвесок, копирующих форму римских булл. Число таких подвесок в ожерельях доходило до 5–6 штук [56, р. 41, 77, Тав. 32,7с; 82,7г; 197]. В одном из англо-саксонских погребений VII в. около Винчестера, на юге Британии среди стеклянных и янтарных бусин лежало 11 бронзовых подвесок-булл, близких по форме крымским изделиям [39, р. 86, fig. 7,138].

Раннесредневековые подвески-буллы не были простым украшением. В Лучистом среди фрагментов некоторых бронзовых подвесок выявлены фрагменты текстиля. Скорее всего, это остатки специальных вложений, предававших буллам защитную силу. Носившиеся в ожерельях среди бус подвески-буллы, как и другие амулеты – зубы оленя, раковины каури, должны были защищать владелицу от невидимых злых сил.

В настоящее время на территории Юго-Западного Крыма подвески-буллы выявлены только в могильнике у с. Лучистое. Однако неверно было бы считать их уникальным украшением, присущим исключительно представительницам общины, оставившей могильник. Некрополи с однотипными погребальными сооружениями и аналогичными погребальным обрядом и инвентарем выявлены во всем Юго-Западном Крыму – от низовьев реки Черная до Алушты, в регионе, где исследователи локализуют описанную Прокопием страну Дори, населенную готами [4, с. 6–9]. Анализ погребальных сооружений и обряда, антропологического материала и находок из них позволяет заключить, что все эти некрополи оставлены одним и тем же смешанным гото-аланским населением [4, с. 149–250]. Безусловно, по находкам из могильника у с. Лучистое можно судить о материальной культуре населения всего региона. Наверняка, подвески-буллы носили во всей стране Дори. Отсутствие их в других могильниках региона объясняется степенью изученности памятников, а также тем, что большинство исследованных погребений оказались разграбленными еще в древности. При этом многие вещи сохранились в мелких, не поддающихся определению фрагментах, а самые хрупкие – рассыпались.

Таблица 1. Характеристика набора линзовидных подвесок из могильника у с. Лучистое (склеп 122а, погребение 22). Материал и проба изделий определены в 2001 г. в Государственной пробирной службе Украины

Подвески	Материал	Проба	Общий вес, г	Чистый вес, г	Примечание
1 Рис. 1,1,1а	Золото	750°	0,9	0,63	Вес вставки из красного камня 0,05 г
2 Рис. 1,2	Золото	750°	0,67	0,5	
3 Рис. 1,3	Золото	750°	0,8	0,6	
4 Рис. 1,4	Золото	750°	0,66	0,49	
5 Рис. 1,5	Золото	750°	0,73	0,54	
6 Рис. 1,6	Золото	750°	0,77	0,57	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 60–70.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДФУ-Украина, 2008. 336 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь: Майстер Книг, 2014. 400 с.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
5. Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 94–141.
6. Балабанов Т. Готски епископски център от IV–VI в. до с. Хан Крум, Шуменско // *Goterna. Current aspects of the gothic historical and cultural Heritage in Bulgaria* / Ed. R. Milev. Sofia: Balkan Media, 2006. P. 71–77.
7. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 206 с.
8. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
9. Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений // МИА. 1963. № 114. Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции. 1958–1960 гг. Т. II). С. 141–142.
10. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–107.
11. Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг. М., 2017. 184 с.
12. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.
13. Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. / Ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 78–105.
14. Зубарь В.М., Мещеряков И.Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. / Ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1982. С. 96–114.
15. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском Шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
16. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.
17. Лепер Р.Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя // ХСб. 1927. Вып. II. С. 189–256.
18. Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича, Ред. М.С. Петрова. М.: Кругъ, 2013. 810 с.
19. Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV–VII век. София: Септември, 1978. 74 с.
20. Плутарх. Ромул / Пер. В. Алексеева // Избранные жизнеописания. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 54–88.
21. Плутарх. Моралии: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. 1120 с.
22. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003–2007 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 184–235.
23. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 170 с.

24. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
25. Хаджиангелов В. Раннохристиански и железодобивен центр в Самоковската котловина // *Goterna III. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007–2010)* / Ed. R. Milev. Sofia: Balkan Media, 2011. P. 153–159.
26. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // *МАИЭТ*. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
27. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // *МАИЭТ*. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
28. Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // *МАИЭТ*. 2013. Вып. XVIII. С. 187–216.
29. Хайрединова Э.А. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // *БИ*. 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.
30. Хайрединова Э.А. Византийские кресты с инкрустацией из Юго-Западного Крыма // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22, № 5. С. 86–99.
31. Хайрединова Э.А. Византийские наплечные и поясные застёжки в женском костюме крымских готов // *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X Международного Византийского семинара (г. Севастополь, 28 мая – 1 июня 2018 г.)*. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 151–158.
32. Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. // *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 165–167.
33. Aubert M.-F., Cortopassi R. Portraits funéraires de l'Égypte romaine. Cartonnage, lincoils et bois. Paris: Musée du Louvre, 2008. 348 p.
34. Baldini Lipolis I., Gil J.P. Osservazioni sul Tesoro di Reggio Emilia // *Ipsam Nolam barbari vastaverunt. L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI*. Atti del Convegno internazionale di studi / Eds. C. Ebanista, M. Rotili. Cimitile: Tavolario edizione, 2010. P. 113–128.
35. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // *I Goti*. Milano: Electa, 1994. P. 170–213.
36. From Attila to Charlemagne. Arts of the early Medieval Period in the Metropolitan Museum of Art / Eds. K.R. Brown, D. Kidd, Ch. Little. New York: Metropolitan Museum of Art, 2000. 428 p.
37. Dasen V. Les amulettes d'enfants dans le monde gréco-romain // *Latomus*. 2003. T. 62, Fasc. 2 (avril – juin). P. 275–289.
38. Das Kaiserzeitliche Gräberfeld von Halbturn, Burgenland. Teil I: Archäologie, Geschichte und Grabbrauch / Hrsg. N. Doneus. Mainz, 2014. 308 S.
39. Dinwiddy K.E. An Anglo-Saxon Cemetery at Twyford, near Winchester // *Hampshire Studies: Proceedings of the Hampshire Field Club and Archaeological Society*. 2011. Vol. 66. P. 75–126.
40. Dumoulin A. Recherches archéologiques dans la région d'Apt (Vaucluse) // *Gallia*. 1958. T. 16, fasc. 1. P. 197–241.
41. Eger Ch. Indisch, Persisch oder Kaukasisch? Zu den Karneolperlen mit Ätzdekor der Gruppe C nach Beck und den östlichen Fernkontakten der Provinz Arabia // *Jahrbuch des RGZM*. 2010. Bd. 57. S. 221–278.
42. Facsar G., Skoffek I., Salamon Á. Eine Kapsel Frucht (Antirrhinum) aus einer römischen Bulla und Bullen aus Bestattungen von Intercisa // *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*. 1997. Bd. 7. S. 93–110

43. Feugère M. L'évolution du mobilier non céramique dans les sépultures antiques de Gaule méridionale (II siècle av. J.-C. – début du V siècle ap. J.-C.) // Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. 1993. Bd. 3. S. 119–165.
44. Froehner W. Sur une amulette basilidienne inédite du Musée Napoléon III // Bulletin de la Société des antiquaires de Normandie. 1869. T. V.
45. Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 432 S.
46. Antický Rím / Eds. G. Giannelli, U.E. Paoli. Bratislava: Tatran, 1975. 304 c.
47. Haak M.-L. Boules et bulles. Un exemple de transfert culturel // Dialogue d'histoire ancienne. 2007. Vol. 33, no. 2. P. 57–67.
48. Hahn C.J., Chadour-Sampson A.B., Hindman S. The Thing of Mine I Have Loved the Best: Meaningful Jewels. London: Paul Holberton Publishing, Paris: Les Enluminures, 2018.
49. Histoire naturelle de Pline / Traduction en français par É. Littré. T. II. Paris, 1877.
50. I Longobardi / Ed. G.C. Menis. Milano: Electa, 1990. 494 c.
51. La Niece S., Cowell M. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination // Andrasi J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London: British Museum, 2008. P. 151–160.
52. Lafaye G. Harpocrates // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio. T. 3. Paris, 1900. P. 12–13.
53. Migotti B. Rimska bula u Panoniji // Vjesnik Arheološkogo muzeja u Zagrebu. 2007. XL. P. 187–219.
54. Minchev A. The third Early Byzantine treasure from Odessos (Varna) // Niš & Byzantium IX. The collection of scientific works / Ed. M. Rakocija. Niš, 2011. P. 85–111.
55. Ogden J. Jewellery of the Ancient World. London: Trefoil Books, 1982. 185 p.
56. Paroli L., Ricci M. Necropoli Altomedievale di Castel Trosino. Firenze, 2007. 135 p.
57. Pliny. Natural History with an English translation in ten volumes / Ed. H. Rackham. Vol. IX. Libri XXXIII–XXXV. Cambridge: Harvard University Press, London: William Heinemann LTD, 1961. 421 p.
58. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context // City, Town and countryside in the Early Byzantine Era / Ed. R.L. Hohlfelder. New York: Columbia University press, 1982. P. 133–164.
59. Saglio E. Bulla // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio. T. 1. Paris, 1873. P. 754–755.
60. Szilágyi M. Késő császárkori bullák és amulettkapzulák az Aquincumi múzeumban // Budapest Régiségei. 2005. XXXIX. P. 151–171.
61. Vágó E.B., Bóna I. Die Gräberfelder von Intercisa des Spätromische Südosteriedhof. Budapest: Akadémiai Koadó, 1976. 243 S.
62. Voisenet J. L'animal et la pensée médicale dans les textes du Haut Moyen Age // Rursus. 2006. No. 1. P. 1–22.
63. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. London, Cambridge, 1983. 216 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Rannevizantiiskie voinskie fibuly s podviaznoi nozhkoi iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, Vol. 39, pp. 60–70.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* Simferopol, Kerch, Maister Knig Publ., 2014, 400 p.

4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
5. Babenchikov V.P. Nekropol' Neapolia Skifskogo. *Istoriia i arkheologiiia drevnego Kryma*, Kiev, Akademiia nauk USSR Publ., 1957, pp. 94–141.
6. Balabanov T. Gotski episkopski tsent»r ot IV–VI v. do s. Khan Krum, Shumensko. Milev R. (Ed.), *Goterna. Current aspects of the gothic historical and cultural Heritage in Bulgaria*, Sofia, Balkan Media Publ., 2006, pp. 71–77.
7. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskii mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka, 1993, 206 p.
8. Golofast L.A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 97–260.
9. Deopik V.B. Klassifikatsiia i khronologiia alanskikh ukrashenii. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1963, No. 114, pp. 141–142.
10. Dmitriev A.V. Rannesrednevekoveye fibuly iz mogil'nika na r. Diurso. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 69–107.
11. Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A. *Kompleksy s iuvelirnymi izdeliiami iz khersonesskogo nekropolia. Chast' I. Materialy raskopok R.Kh. Lepera v 1909–1910 gg.* Moscow, 2017, 184 p.
12. Zubar' V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n.e.* Kiev, Naukova dumka, 1982, 144 p.
13. Zubar' V.M. Etnicheskii sostav naseleniia Khersonesa tavrisheskogo pervykh vekov nashei ery (po materialam nekropolia). Vysotskaia T.N. (Ed.), *Materialy k etnicheskoi istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n.e.*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 78–105.
14. Zubar' V.M., Meshcheriakov I.F. Nekotorye dannye o verovaniakh naseleneia Khersonesa (po materialam nekropolia pervykh vekov n.e.). Vysotskaia T.N. (Ed.), *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e.*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, pp. 96–114.
15. Ierusalimskaia A.A. *Moshchevaia Balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na Severokavkazskom Shelkovom puti*. St-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2012, 384 p.
16. Korzukhina G.F. Klady i sluchainye nakhodki veshchei kruga “drevnostei antov” v Srednem Podneprov'e. Katalog pamiatnikov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, Vol. V, pp. 352–435.
17. Leper R.Kh. Dnevniky raskopok Khersonesskogo nekropolia. *Khersonesskii sbornik*, Sevastopol, 1927, Vol. II, pp. 189–256.
18. Makrobii Feodosii. *Saturnalii*. Moscow, Krug Publ., 2013, 810 p.
19. Ovcharov D., Vaklinova M. *Rannovizantiiski pametnitsi ot B''lgariia IV–VII vek*. Sofia, Septemvri Publ., 1978, 74 p.
20. Plutarkh. Romul. *Izbrannye zhizneopisaniia*, T. 1, Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 54–88.
21. Plutarkh. *Moralii: Sochineniia*. Moscow, Kharkov, Eksmo-Press Publ., Folio Publ., 1999, 1120 s.
22. Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika u s. Luchistoe (raskopki 2003–2007 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 184–235.
23. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona. Srednevekovi Kherson. Istoriia, stratigrafii, nakhodki*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 1995, 170 p.
24. Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugy Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletiia novoi ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz № 10»). *Stratum plus*, 2003–2004, No. 4, pp. 27–277.
25. Khadzhiangelov V. Rannokhristiianski i zhelezodobiven tsentr v Samokovskata kotlovina. Milev R. (Ed.), *Goterna III. New Studies on Gothic Cultural and Historical Heritage in the Bulgarian Lands (2007–2010)*, Sofia, Balkan Media Publ., 2011, pp. 153–159.
26. Khairedinova E.A. Zhenskii kostium s iuzhnokrymskimi orlinogolovymi priazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 91–133.

27. Khairedinova E.A. Rannesrednevekovey kresty iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151–182.
28. Khairedinova E.A. Bronzovye ser'gi s polym mnogogrannikom iz mogil'nika u s. Luchistoe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 187–216.
29. Khairedinova E.A. Kostium gorodskogo naseleniia Bospora v VII–VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolia v Bosforskom pereulke). *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2013, Vol. XXVIII, pp. 286–317.
30. Khairedinova E.A. Vizantiiskie kresty s inkrustatsiei iz Iugo-Zapadnogo Kryma. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, T. 22, No. 5, pp. 86–99.
31. Khairedinova E.A. Vizantiiskie naplechnye i poiasnye zastezhki v zhenskom kostiume krymskikh gotov. Alekseenko N.A. (Ed.), *Materialy X Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminara "XEPΣΩNOC ΘEMATA: imperiia i polis"*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 151–158.
32. Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*, Saint-Germain-en-Laye, 1993, pp. 165–167.
33. Aubert M.-F., Cortopassi R. *Portraits funéraires de l'Égypte romaine. Cartonnage, linces et bois*. Paris, Musée du Louvre, 2008, 348 p.
34. Baldini Lipolis I., Gil J.P. Osservazioni sul Tesoro di Reggio Emilia. Ebanista C., Rotili M. (Eds.), *Ipsam Nolam barbari vastaverunt. L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI. Atti del Convegno internazionale di studi*, Cimitile, Tavolario edizione, 2010, pp. 113–128.
35. Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia. *I Goti*, Milano, Electa, 1994, pp. 170–213.
36. Brown K.R., Kidd D., Little Ch. (Eds.), *From Attila to Charlemagne. Arts of the early Medieval Period in the Metropolitan Museum of Art*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2000, 428 p.
37. Dasen V. Les amulettes d'enfants dans le monde gréco-romain. *Latomus*, 2003, T. 62, Fasc. 2 (avril – juin), pp. 275–289.
38. Doneus N. (Hrsg.), *Das Kaiserzeitliche Gräberfeld von Halbtorn, Burgenland. Teil I: Archäologie, Geschichte und Grabbrauch*. Mainz, 2014, 308 p.
39. Dinwiddy K.E. An Anglo-Saxon Cemetery at Twyford, near Winchester. *Hampshire Studies: Proceedings of the Hampshire Field Club and Archaeological Society*, 2011, Vol. 66, pp. 75–126.
40. Dumoulin A. Recherches archéologiques dans la région d'Apt (Vaucluse). *Gallia*, 1958, T. 16, fasc. 1, pp. 197–241.
41. Eger Ch. Indisch, Persisch oder Kaukasisch? Zu den Karneolperlen mit Ätzdekor der Gruppe C nach Beck und den östlichen Fernkontakten der Provinz Arabia. *Jahrbuch des RGZM*, 2010, Bd. 57, pp. 221–278.
42. Facsar G., Skoflek I., Salamon Á. Eine Kapsel Frucht (Antirrhinum) aus einer römischen Bulla und Bullen aus Bestattungen von Intercisa. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*, 1997, Bd. 7, pp. 93–110.
43. Feugère M. L'évolution du mobilier non céramique dans les sépultures antiques de Gaule méridionale (II siècle av. J.-C. – début du V siècle ap. J.-C.). *Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz*, 1993, Bd. 3, pp. 119–165.
44. Froehner W. Sur une amulette basilidienne inédite du Musée Napoléon III. *Bulletin de la Société des antiquaires de Normandie*, 1869, T. V.
45. Garam É. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 2001, 432 p.
46. Giannelli G., Paoli U.E. (Eds.), *Antický Rím. Bratislava*, Tatran Publ., 1975, 304 p.
47. Haak M.-L. Boules et bulles. Un exemple de transfert culturel. *Dialogue d'histoire ancienne*, 2007, Vol. 33, no. 2, pp. 57–67.
48. Hahn C.J., Chadour-Sampson A.B., Hindman S. *The Thing of Mine I Have Loved the Best: Meaningful Jewels*. London, Paris, Paul Holberton Publishing, Les Enluminures, 2018.

49. *Histoire naturelle de Pline*. T. II. Paris, 1877.
50. Menis G.C. (Ed.), *I Longobardi*. Milano, Electa, 1990, 494 p.
51. La Niece S., Cowell M. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination. Andradi J., Aibabin A. *The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material*, London, British Museum, 2008, pp. 151–160.
52. Lafaye G. Harpocrates. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio*, T. 3, Paris, 1900, pp. 12–13.
53. Migotti B. Rimska bula u Panoniji. *Vjesnik Archeološkoga muzeja u Zagrebu*, 2007, XL, pp. 187–219.
54. Minchev A. The third Early Byzantine treasure from Odessos (Varna). Rakocija M. (Ed.), *Niš & Byzantium IX. The collection of scientific works*, Niš, 2011, pp. 85–111.
55. Ogden J. *Jewellery of the Ancient World*. London, Trefoil Books, 1982, 185 p.
56. Paroli L., Ricci M. *Necropoli Altomedievale di Castel Trosino*. Firenze, 2007, 135 p.
57. Pliny. *Natural History with an English translation in ten volumes*. Vol. IX. Libri XXXIII–XXXV. Cambridge, London, Harvard University Press, William Heinemann LTD, 1961, 421 p.
58. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context. Hohlfelder R.L. (Ed.), *City, Town and countryside in the Early Byzantine Era*, New York, Columbia University press, 1982, pp. 133–164.
59. Saglio E. Bulla. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, sous la direction de Ch. Daremberg, E. Saglio*, T. 1, Paris, 1873, pp. 754–755.
60. Szilágyi M. Késó császárkori bullák és amulettkapuzulák az Aquincumi múzeumban. *Budapest Régiségei*, 2005, XXXIX, pp. 151–171.
61. Vágó E.B., Bóna I. *Die Gräberfelder von Intercisa des Spätromische Südosteriedhof*. Budapest, Akadémiai Koadó, 1976, 243 p.
62. Voisenet J. L'animal et la pensée médicale dans les textes du Haut Moyen Age. *Rursus*, 2006, No. 1, pp. 1–22.
63. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis*. London, Cambridge, 1983, 216 p.

E.A. KHAIREDI NOVA

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

EARLY MEDIAEVAL BULLA PENDANTS FROM THE CEMETERY NEAR LUCHISTOE VILLAGE

Abstract: Among the ornaments of the Byzantine tradition existing in the south-western Crimea among the Gotho-Alanic population in the Early Middle Ages, there were impressive fine lens-shaped pendants made of gold or bronze. They were a late derivative of Roman bullae, i. e. hollow medallions well-known from numerous archaeological finds, iconographic materials, and accounts of ancient writers. The closest parallels to Crimean bulla pendants were discovered at Gothic and Byzantine sites located in Northern Italy, Bulgaria, and the Asia Minor. In the cemetery of Luchistoe, such pendants were found in situ in graves of women and children from the sixth and the first half of the seventh century. The bulla pendants were worn in necklaces, one, two, or as a set of six or nine pieces in time. The women of the south-western Crimea used lens-shaped bulla pendants not only for ornaments but also as charms protecting from evil eye and various deceases.

Key words: Byzantium, south-western Crimea, Crimean Goths, female costume, ornaments, bulla pendants, necklaces.

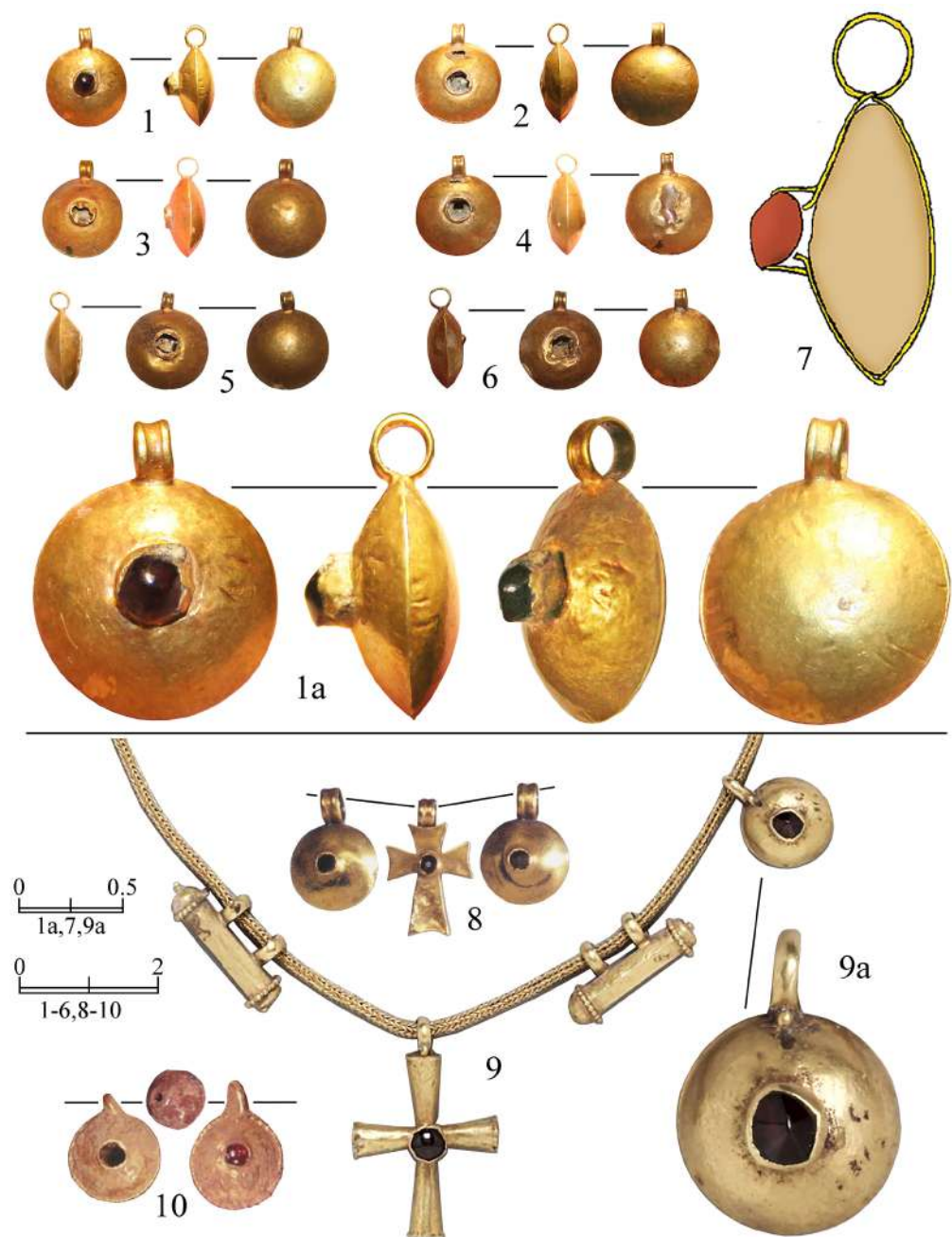

Рис. 1. Золотые подвески-буллы раннесредневекового времени.

1-7 – Лучистое, склеп 122а, костяк 22 (7 – конструкция подвески); 8 – Реджо Эмилия, Италия [35, Fig. III.87]; 9 – Константинополь, Художественный музей Кливленда [48, p. 72-73]; 10 – Хан Крум, Болгария [6]. (1-7 - фото и рисунок автора)

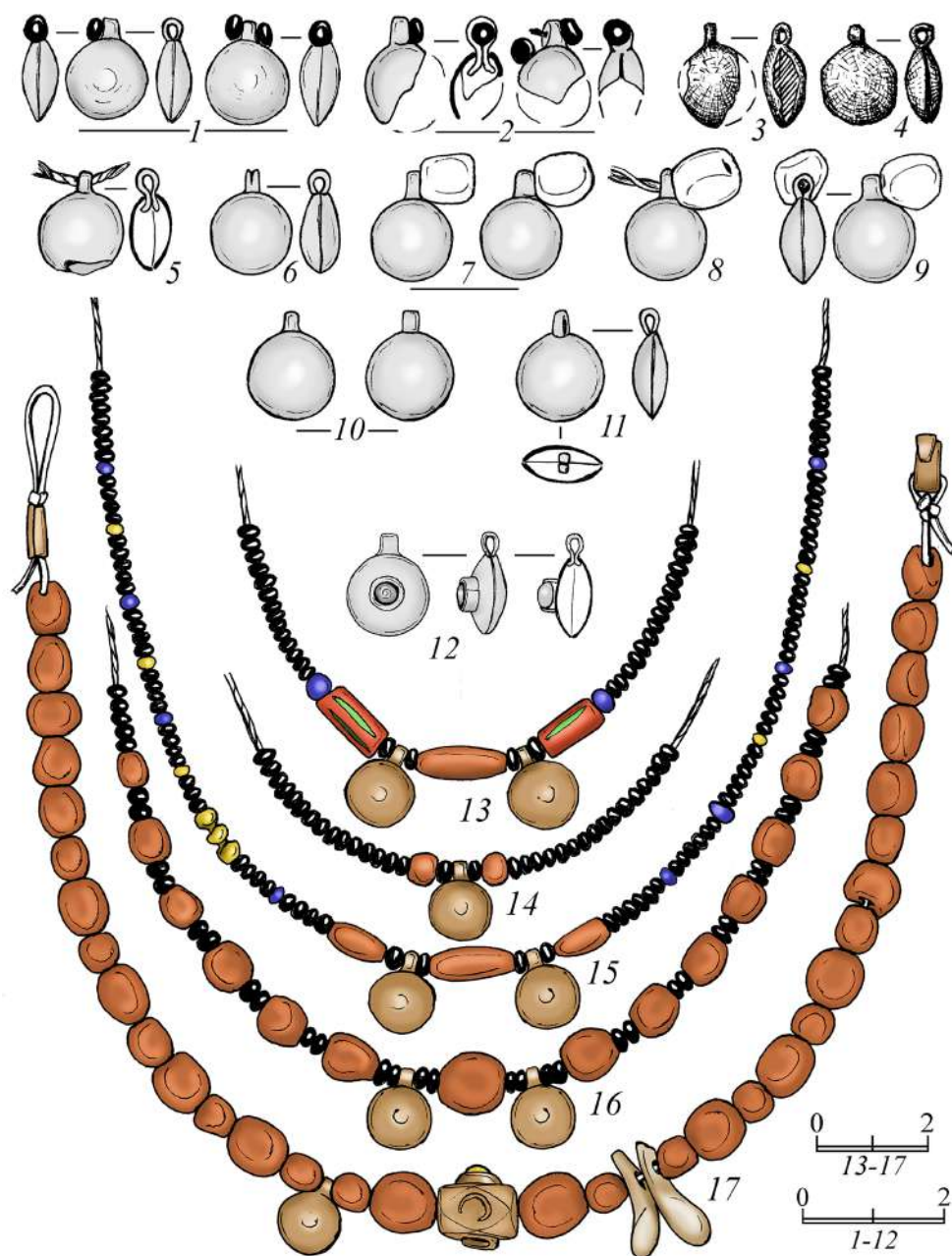

Рис. 2. Бронзовые подвески-буллы варианта 2 (1–12) из могильника у с. Лучистое и реконструкция ожерелий с ними (13–17).

1, 13 – склеп 107; 2, 15 – склеп 77, костяк 6; 3 – склеп 77, костяк 3; 4, 17 – склеп 77, костяк 2; 5–11 – склеп 79, костяк 1; 12 – склеп 131, костяк 4; 14 – склеп 181, костяк 1; 16 – склеп 259, костяк 4. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

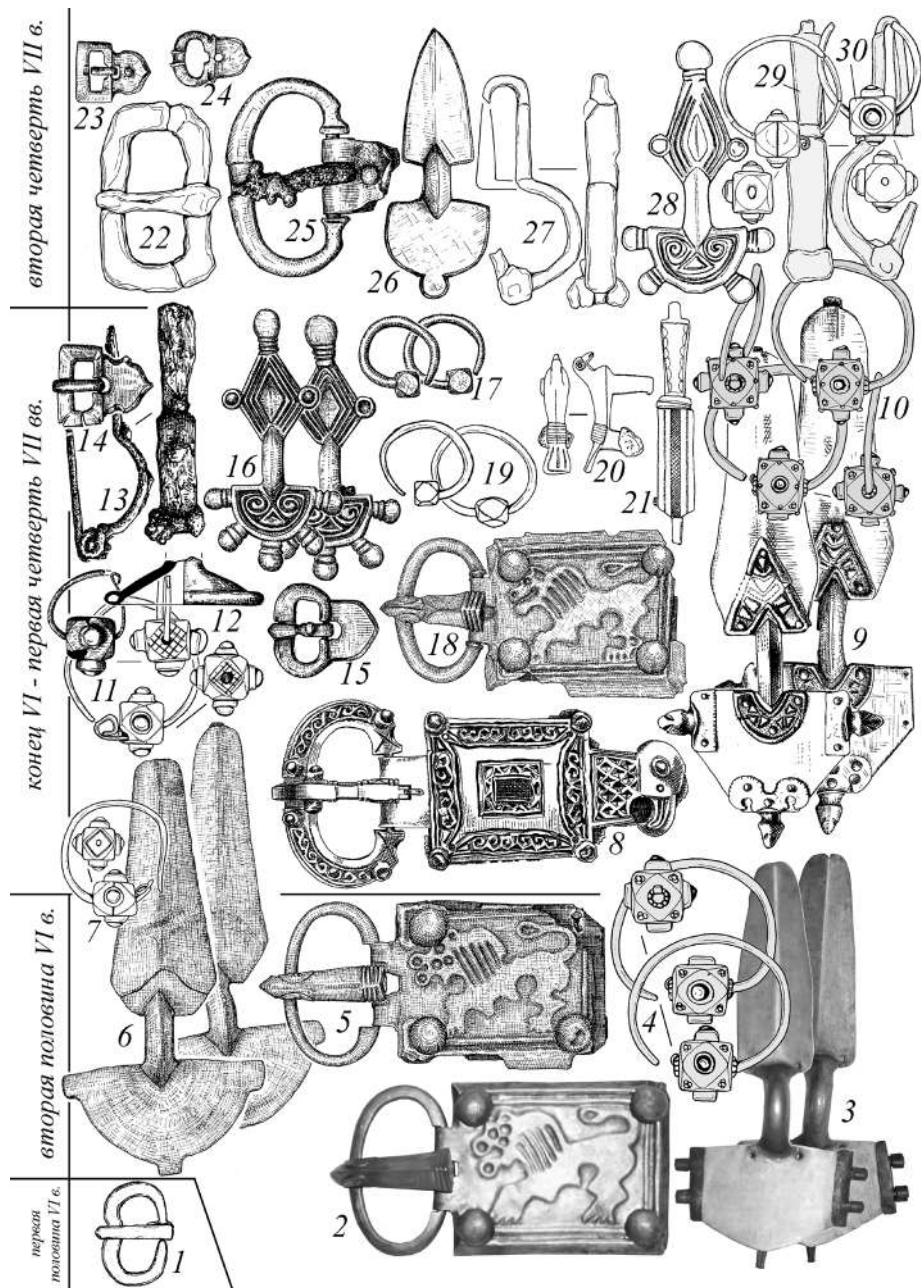

Рис. 3. Хронология погребений с подвесками-буллами из могильника у с. Лучистое.

1 – склеп 259, погребение 4; 2–4 – склеп 122а, погребение 22; 5–7 – склеп 186, погребение 12; 8–10 – склеп 42, погребение 1; 11, 12 – склеп 64, погребение 1; 13, 14 – склеп 79, погребение 1; 15–17 – склеп 77, погребение 6; 18–21 – склеп 131, погребение 4; 22–24 – склеп 77, погребение 3; 26, 27 – склеп 77, погребение 2; 28–30 – склеп 131, погребение 3

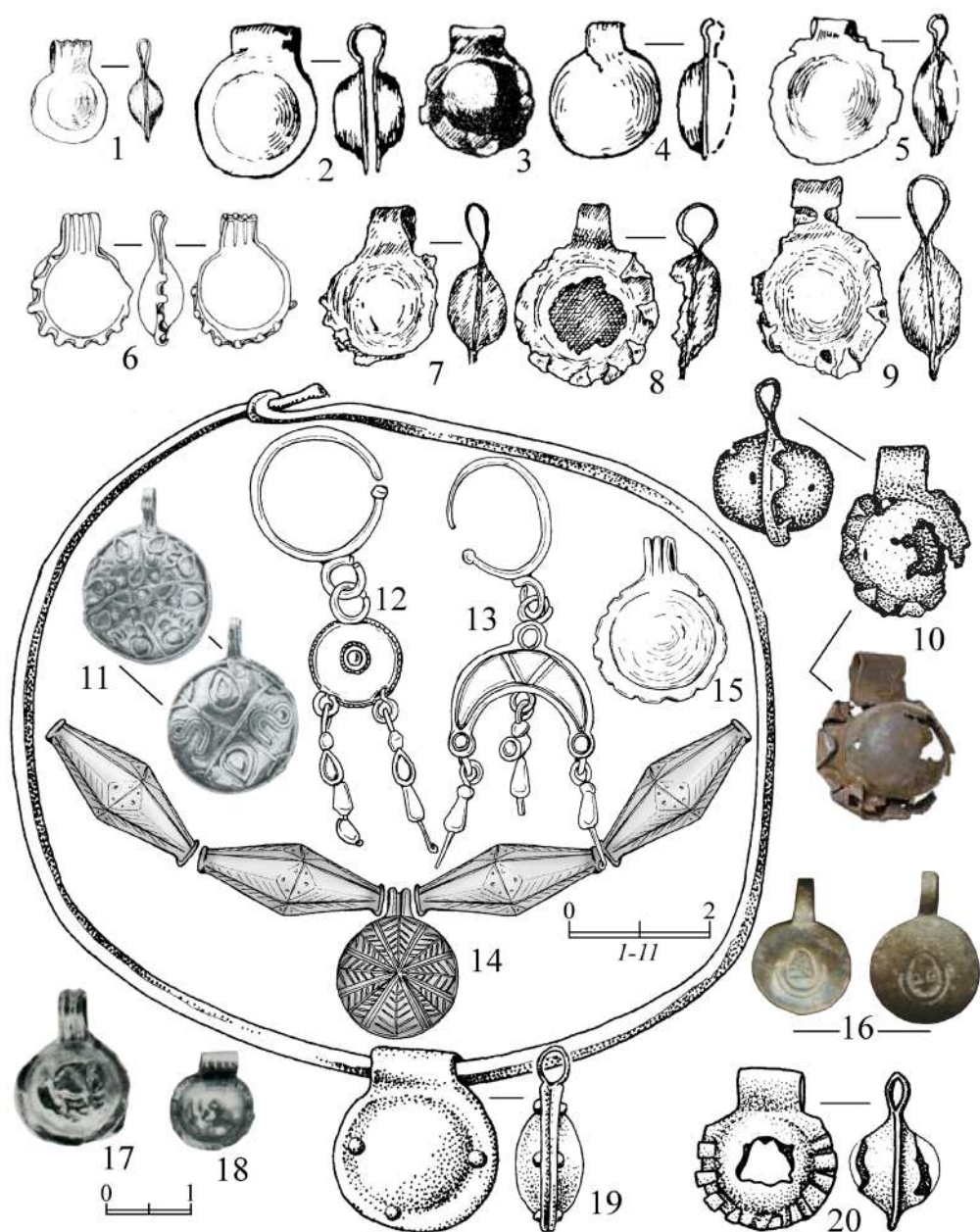

Рис. 4. Позднеримские (1–10) и раннесредневековые (11–20) подвески-буллы.

1–6 – Паннония (1 – Сагвар, Венгрия; 2–5 – Интерциза, Венгрия; 6 – Сисак, Хорватия) [53, Tab. 1–4];
 7–10 – Херсонес [12, рис. 74,13–15; 11, табл. 34,3]; 11 – Италия [36, Fig. 18.9]; 12–14 – Малык Пресла-
 вец [19, рис. 121]; 15 – Анемурий [58, Fig. 5,41]; 16 – Белчин [25]; 17, 18 – Сарды [63, Pl. 50,884,885]; 19
 – Тисафюред-Майорош [45, Taf. 29,1]; 20 – Кестей-Фенек [45, Taf. 29,2]

Рис. 5. Изображения булл на римских (1–2) и египетских памятниках (4–7); золотая булла из погребения римского времени (3).

1 – скульптура римского мальчика I в. н.э., Национальный археологический музей Пармы [46, p. 55];
 2 – алтарь, эпоха Августов, Рим, Капитолийские музеи [37, Fig. 7]; 3 – Апт, Франция [40, Fig. 23; 24];
 4 – Египет, Музей Метрополитен; 5–7 – погребальные портреты, Египет, Лувр [33, Cat. 45; 46; 59]

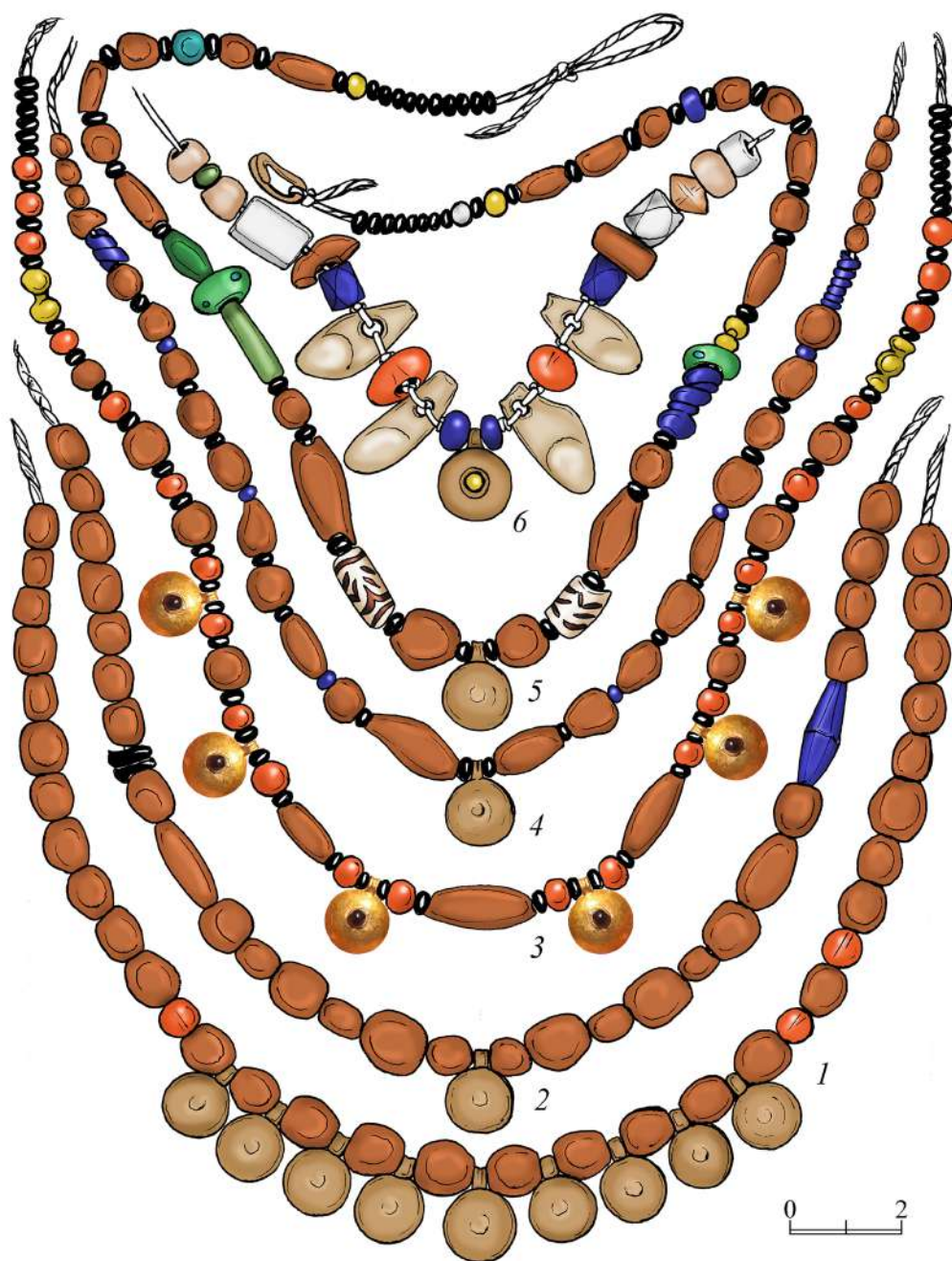

Рис. 6. Реконструкция ожерелий с линзовидными подвесками из могильника у с. Лучистое. 1 – склеп 79, костяк 1; 2 – склеп 77, костяк 3; 3 – склеп 122а, костяк 22; 4 – склеп 64, костяк 1; 5 – склеп 43, костяк 7; 6 – склеп 131, костяк 4. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

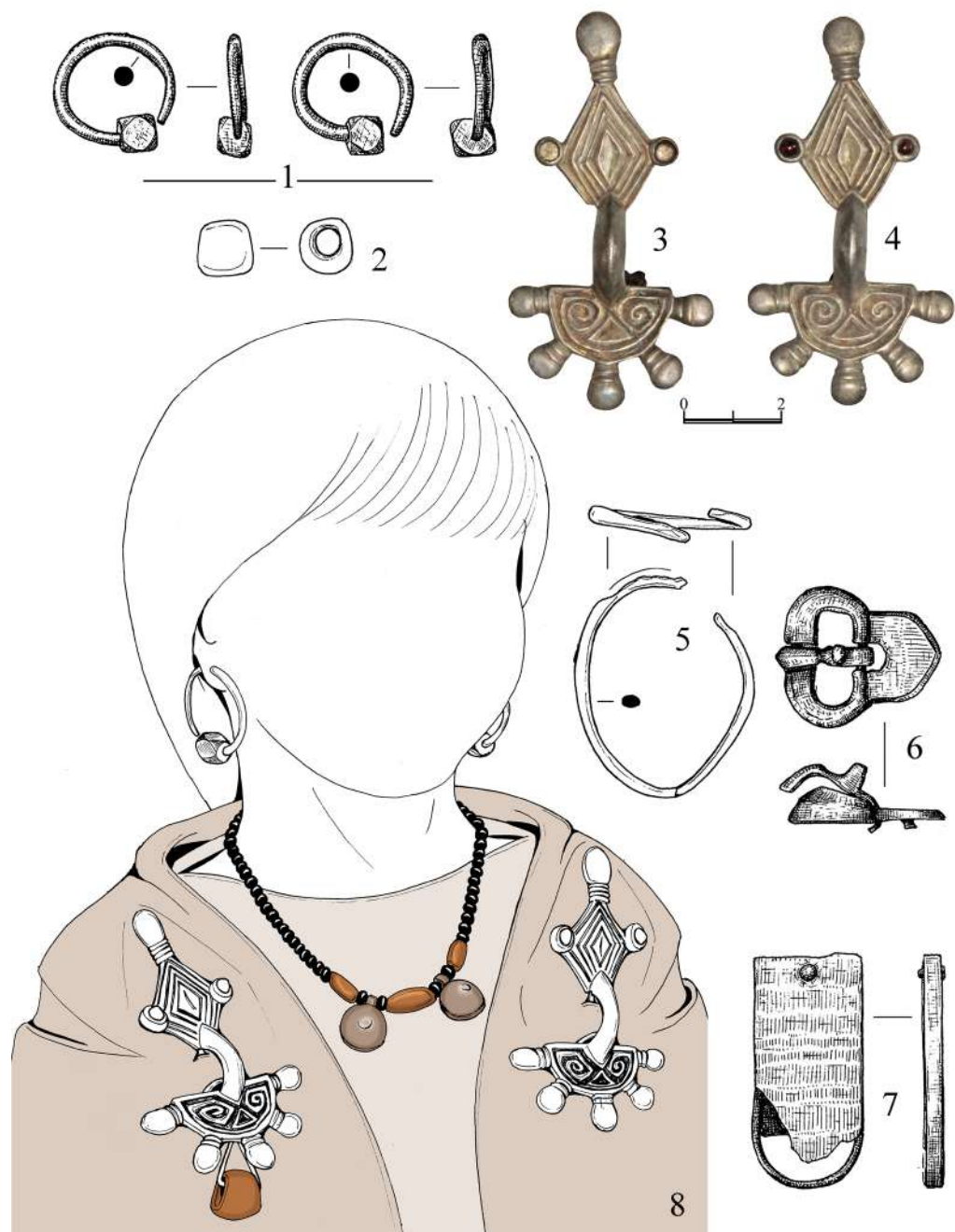

Рис. 7. Могильник у с. Лучистое. Склеп 77, детское погребение 6 конца VI – первой четверти VII в.: 1–7 – находки из погребения; 8 – реконструкция костюма погребенного ребенка. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

Рис. 8. Могильник у с. Лучистое. Женские погребения конца VI – первой четверти VII в. из склепов 42 (1–3) и 102 (4–7): 2–6 – находки из погребений; 1, 7 – реконструкция костюма погребенных. (Реконструкция, фото и рисунок автора)

Рис. 9. Могильник у с. Лучистое. Склеп 79, женское погребение конца VI – первой четверти VII в.: 1 – план погребения; 2–5 – находки из погребения; 6 – реконструкция костюма погребенной; 7 – бусы и подвески-буллы (Реконструкция, фото и рисунок автора)